

Я. Н. ЩАПОВ

РЕЦЕПЦИЯ СБОРНИКОВ ВИЗАНТИЙСКОГО ПРАВА
В СРЕДНЕВЕКОВЫХ БАЛКАНСКИХ ГОСУДАРСТВАХ*

Проблема рецепции византийского права в других странах изучается в нескольких направлениях, различающихся методическими приемами, но тесно связанных общей целью. Это — выявление и сравнительно-историческое исследование норм права и институтов, которые или находили применение в практике, заменяя другие, в том числе местные, нормы и институты, или включались в местные памятники права. Далее, выявление местных обработок и компиляций из византийских памятников путем определения значения включенных в них норм для истории права и социально-экономического строя этих стран. Наконец, анализ распространения памятников в переводе, которое также свидетельствует о стремлении использовать их в новых условиях, в интересах другого государства. В этом смысле распространение памятника в переводе на другой, в частности славянский, язык также может рассматриваться как форма его рецепции. Это еще не свидетельство рецепции его норм. Применялись ли последние в практике, нельзя сказать без изучения местных законодательных памятников и актов. Но появление славянских переводов византийских памятников, также как распространение их списков из одних политических центров и стран в другие, — материал, позволяющий значительно обогатить наши знания об ареале византийского правового наследия на Балканах в X—XVII вв.

В средневековых балканских государствах вне Византии (соответственно в Первом и Втором Болгарских царствах, в Сербии, в Валахии и Молдавии) было известно в славянских переводах большинство важнейших византийских памятников светского и церковного права — такие, как Новеллы и другие части Кодекса Юстиниана, Эклога, Земледельческий закон, Прохирон, Номоканон (Синагогэ) в 50 титулах Иоанна Схоластика, Сборники 14 титулов, Синтагма Матфея Властаря, Шестикнижие Константина Арменопула и др.¹ Созданные в различное время, отражавшие изменявшиеся условия социально-экономической жизни и эволюцию правосознания Византии, проникавшие на территорию балканских государств разными путями, они имели неодинаковое значение в истории этих стран. Однако они помогали использовать политический и юридический опыт древнего классового общества и некогда мощной державы

* Доклад, подготовленный для III Конгресса по изучению стран Юго-Восточной Европы (Бухарест, 1974).

¹ A. V. Soloviev. Der Einfluß des byzantinischen Rechts auf die Völker Osteuropas. — «Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte», Bd. 76. Romanistische Abteilung. Weimar, 1959, S. 432—458; Th. Saturnik. Příspěvky k šíření byzantského práva u Slovanů. Praha, 1932; E. Э. Луншиц. К истории «Земледельческого закона» в Византии и в средневековых балканских государствах. — ВВ, 29, 1969, стр. 53—62; М. Андреев. Римское право и славянската Эклога. — «Годишник на СДУ», Юрид. ф-т, 1959, № 2.

для нужд формирующихся и развивающихся молодых балканских средневековых государств.

Темой настоящей работы является история распространения в балканских странах, в которых применялась письменность на славянских языках, переводов Номоканона 14 титулов. Этот сложный, объединявший несколько десятков памятников византийского церковного и светского права сборник имел для балканских стран особое значение. Церковное право в Византии, наряду с нормами отправления культа, внутрицерковной жизни и управления, включало также правовые нормы, связанные с универсальными для общества семейными, брачными, наследственными и некоторыми другими имущественными отношениями. Кормчие книги были основным полным корпусом церковного права, нужным высшим представителям церковной организации — митрополитам, епископам и их судебным и административным чиновникам для суда и управления. Созданный в VI в. в Константинополе, этот сборник в течение последующих веков продолжал перерабатываться, обогащаться новыми материалами и изменять свою структуру. К XI—XII вв. архаичные канонические нормы соборов IV—VII вв., давно вступившие в противоречие с жизнью и между собой, потребовали значительных сокращений и объяснений. Появившиеся в XII в. новые издания Сборника 14 титулов, в частности снабженные комментариями крупных юристов Иоанна Зонары и Алексея Аристина, стали в течение ближайших столетий наиболее авторитетными собраниями источников церковного права².

В балканских странах были известны в переводах обе основные редакции Сборника 14 титулов — ранняя, VI—IX вв., без толкований и с небольшим числом светских установлений, и поздняя, XII в., с сокращениями и комментариями правил, а также с добавлением Прохирона.

Славянский перевод Сборника 14 титулов без толкований известен в 6 списках XII—XVI вв. русского происхождения. Однако анализ языка перевода и соотношение перевода этого памятника с переводом Номоканона Иоанна Схоластика позволил отнести его возникновение к более раннему времени и к Болгарии.

Древнеславянская кормчая 14 титулов была введена в науку изданием ее старшего, но дефектного Ефремовского списка XII в. лишь частично³. В этом издании памятник завершается Собранием в 93 главах, после которого в других списках следует много статей, часть из которых также принадлежит первоначальному составу этого памятника. Основываясь на результатах исследования В. Н. Бенешевичем основного византийского источника — Синтагмы III редакции (между 787 и 861 гг.) и на отсутствии в публикации более поздних статей, В. Златарский включил Сборник 14 титулов в число книг, попавших в Болгарию еще при князе Борисе, до 866 г.⁴

Изучение Древнеславянской кормчей в совокупности всех сохранившихся списков позволяет не ограничивать ее состав Собранием новелл в 93 главах, а включать в него еще 14 статей. Это календарно-хронологические сочинения: Ритора Антиохийского о древнеримском счете времени (V—VI вв.), Летописец вкратце (Хронографикон) Никифора патриарха и Перечень епископов и патриархов Константинополя, оба — с дополнениями до 912 г., хронологическая справка о семи вселенских соборах с записью о смерти императора Константина VI (797 г.). Далее — статьи

² С. Е. Zachariae von Lingenthal. Die griechische Nomokanones. SPb., 1877; В. Н. Бенешевич. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г. СПб., 1905; М. Е. Красножен. Толкователи канонического кодекса восточной церкви Аристин, Зонара и Вальсамон. М., 1892.

³ Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Труд В. Н. Бенешевича. Т. I. СПб., 1906.

⁴ В. Златарски. Какви канонически книги и граждански закони Борис е получил от Византия. — «Избрани произведения». София, 1972, стр. 235—264.

об основах христианского учения: изложение веры Михаила Синкелла и Ответ Афанасия Александрийского князю Антиоху; выписи из Прохирона и Эклоги с правилами заключения браков; статьи об отдельных сторонах деятельности епископов — правило Константинопольского собора 861 г., установления Прохирона о поставлении епископов и наследовании имущества; компиляции о преимуществах Константинопольского престола со схолией-трактатом, отрицающим это преимущество⁵. Наиболее поздние статьи в этой кормчей относятся к 912 г., т. е. ко времени деятельности Симеона. Все эти статьи в том или ином виде известны по византийским церковно-юридическим сборникам — они находятся в приложении к сборникам типа Синтагмы и Номоканона, в сборниках типа Синайских № 1609 и 1699 и других. Исключение представляет, очевидно, только календарная статья Ритора Антиохийского, греческий источник которой мне неизвестен, хотя списки различных фрагментов его большого сочинения упоминаются в литературе⁶.

Таким образом, есть основания считать, что состав сборника, включавшего Синтагму III редакции, Собрание в 93 главах и дополнительные статьи, сложился в Византии вскоре после 912 г. и проник оттуда в 910-х годах в Болгарию. Очевидно, опосредствующим звеном между Константинополем и Преславом, где перевод сборника был сделан по заказу Симеона, была какая-то территория, принадлежавшая юрисдикции Рима; там в греческий список сборника были внесены некоторые схолии. Одна из них — указанная схолия к правилу 28 Халкидонского собора, отрицающая преимущества Константинополя — Нового Рима⁷, вторая — маргиналия к заглавию Собрания в 93 главах, приписывающая его Григорию Акраганскому (Агригентскому), очевидно, итальянскому епископу конца VI в., подчиненному папе Григорию IX, или деятелю второй половины VII в., почитаемому святым и западной, и восточной церквами⁸. Возможно, что эти схолии появились на основе материалов римского библиотекаря IX в. Анастасия, участие которого в составлении опровержения 28-го халкидонского канона предполагается исследователями⁹.

Перевод византийского сборника — появление Древнеславянской кормчей — нужно связывать, очевидно, с последними годами деятельности Симеона (893—927) и созданием вскоре после 916—917 гг. автокефальной болгарской церковной организации¹⁰. Эта деятельность Симеона привела к учреждению в 927 г. патриархии, но не в столичном Преславе, а в Доростоле, что сохраняло и подчеркивало уникальность Константинопольской столичной патриархии. В этих условиях для новой церковной организации были актуальны не только каноны восточной православной церкви и светские установления, но и противоречивые церковно-политические трактаты, обосновывающие и опровергающие привилегии Константинопольской кафедры.

В пору существования Первого Болгарского царства и первой патриархии Древнеславянская кормчая имела распространение на их территории, проникла отсюда, возможно, через западноболгарское царство Самуила

⁵ Я. Н. Шапов. О составе Древнеславянской кормчей Ефремовской редакции. — В сб.: «Источники и историография славянского средневековья». М., 1967, стр. 207—215; *его же*. Новый список кормчей Ефремовской редакции. — Там же, стр. 258—276.

⁶ RE, Suppl. Bd. V, col. 731.

⁷ С. Троицки. Спор старог Рима са Новим на странама словенске Крмчије. Београд, 1960.

⁸ Древнеславянская кормчая XIV титулов. . . , стр. 739; H. G. Beck. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959, S. 467—468.

⁹ С. Троицки. Спор старог Рима са Новим, стр. 23—25. И. Вашица считает, что схолия была переведена с латинского. (Magnaе Moraviae fontes historici, vol. IV. Brno, 1971, p. 229).

¹⁰ В. Златарски. История на Българската държава през средните векове. Т. 1, част. 2. София, 1971, стр. 389—391, 507—509.

в конце X—начале XI в. на Русь¹¹, попала на Афон, где сохранялась в XII—XIII вв.¹² и использовалась при переводе нового Сборника 14 титулов с толкованиями¹³. Вместе с тем на территории самой Болгарии списки кормчей были, очевидно, уничтожены вместе с другими славянскими книгами в ходе борьбы византийской администрации со славянской письменностью и богомильской ересью¹⁴.

Новый этап в распространении Сборника 14 титулов на Балканах относится к концу XII—XIV в., ко времени возникновения Сербского королевства, Второго Болгарского царства и — в дальнейшем — княжеств Валахии и Молдавии. В основу нового славянского собрания памятников церковного права легли последние обработки номоканона, принадлежавшие авторитетным константинопольским юристам — номофилаксу Алексею Аристину и историку Иоанну Зонаре.

Проблемы перевода этих двух основных источников славянской кормчей с толкованиями и ее составления остаются нерешенными. Кормчая известна только в славянских текстах и является, очевидно, компиляцией славянского происхождения. Известно более 40 ее списков, 10 из которых XIII—XVII вв. сербские по происхождению, около 30 — восточнославянские (русские, украинские и белорусские) и один список — славяно-румынский (валахский). Русизмы в орфографии и лексике старшего, сербского Иловицкого списка 1262 г. и сохранение русских слов, сопровождающихся сербскими глоссами и в более поздних сербских списках, позволяют считать, что в переводе византийских сборников принимали участие древнерусские переводчики второй половины XII—начала XIII в. Однако все сохранившиеся русские списки этой редакции восходят через Болгарию XIII в. к общему архетипу сербских списков. Поэтому местом перевода принято считать Афон и его русские монастыри того времени — Кеилургу и (с 1169 г.) Пантелеймона.

Как показывают записи на некоторых сербских списках, начало распространения новой славянской кормчей в Сербии связано с созданием там церковной организации Саввой Сербским, ставшим в 1219 г. архиепископом. Роль Саввы в составлении этой кормчей остается невыясненной; он жил до поставления на Афоне, в частности в Пантелеймонове монастыре, где мог познакомиться с новыми переводами византийских сборников. Дальнейшее изучение истории этого значительного памятника славянской средневековой культуры упирается в отсутствие его издания по южнославянским и восточнославянским спискам, хотя начало такой работы было положено капитальным трудом одного из организаторов — С. В. Троицкого¹⁵.

Новая кормчая включила в себя, наряду с традиционными апостольскими, соборными (кончая поместным собором 880 г.) и отеческими пра-

¹¹ В. А. Мошин. О периодизации русско-южнославянских литературных связей в X—XV вв. — ТОДРЛ, т. 19, 1963, стр. 54—59.

¹² Акты русского на св. Афоне монастыря св. великомуч. и целителя Пантелеймона. Киев, 1973, стр. 50—76.

¹³ С. Троицки. Како треба издати Светосавску крмчју (Номоканон са тумачењима). — «Српска Академија наука. Споменик 102». Београд, 1952, стр. 99; В. Мошин. — «Slovo» (Zagreb), 1952, № 2, с. 57—67 (рецензия).

¹⁴ В. Мошин. О периодизации. . . , стр. 65—69.

¹⁵ С. В. Троицки. Како треба издати Светосавску крмчију (здесь указана и литература, связанная с дискуссией о происхождении этой кормчей). Среди новых работ: В. Мошин. Op. cit., p. 57—67; S. Troicki. Dali je slovenski nomokanon sa tumačenjima postojao pre sv. Save? — «Slovo», 1955, № 4—5, с. 111—122; I. Žužek. Kormčaja Kniga. Studies on the Chief Code of Russian Canon Law. Roma, 1964, p. 32—38; С. Троицки. Хиландарски номоканони. — «Хиландарски зборник», I. Београд, 1966, стр. 58—68; Я. Н. Шапов. Первоначальный состав Рашской кормчей книги 1305 г. — «Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина», т. 33. М., 1972, стр. 140—147. О сербской лексике Прохирона в этой кормчей см. Е. П. Наумов. Законник Душана и рецепция византийского права на Балканах. — «Юго-восточная Европа в средние века», т. 1. Кишинев, 1972, стр. 191—207.

вилами, также старые и новые императорские постановления (новеллы 1084, 1095 гг. и др.), полный Прохирон, патриаршие решения X—начала XII в., сочинения о ересях и др. С. В. Троицкий считает, что этот славянский сборник был составлен в духе симфонии светской и церковной властей — идеологии, господствовавшей в Византии в пору его возникновения¹⁶. Эта Сербская (или Святосавская) кормчая получила на Балканах в XIII—XVI вв. большое распространение и была до появления в XIV перевода Синтагмы Матфея Властаря единственным церковно-гражданским кодексом в балканских странах.

В Сербии распространение кормчей было вызвано созданием еще при Савве 8 или 9 епископий, которые нуждались в этих книгах. Текстологическое изучение опубликованных текстов и записей списков позволяет частично восстановить историю кормчей на Балканах в XIII—XIV вв. Опыт генеалогической схемы списков был предложен С. В. Троицким¹⁷, однако он вызвал справедливую критику рецензента, поскольку автор необоснованно считал архетипом всех сохранившихся списков рукопись Феофила 1252 г.

Таким архетипом является все же, очевидно, жичский экземпляр кормчей, который до того, как он, как считают, сгорел в 1253 г., дал жизнь ряду других списков первой половины XIII в. Состав кормчей того времени представляют древнерусский Рязанский список 1284 г. и сербский Иловицкий 1262 г., переписанные с ранних протографов. К первой половине XIII в. нужно отнести еще две сербских обработки. Первую представляет Белградский список, в который вписано заглавие Эклоги — возможно, след несостоявшегося внесения в нее этого памятника, и добавлены антинесторианские сочинения и статьи из Прохирона. При второй обработке (к ней восходят Рашский, Пчинский, Саввинский, Морачский, Бухарестский и Печский списки) были добавлены сочинения Иоанна Дамаскина.

Распространение списков в Сербии с середины XIII в. оставило более зримые следы. Феофил, епископ Будимльский, переписывая в 1252 г. кормчую, как свидетельствует его запись, стремился сделать список официальным экземпляром, не подлежащим исправлениям, и заверил его аутентичность своим авторитетом. К рукописи Феофила, кроме Морачского списка, сохранившего его запись, восходят также Рашский и, очевидно, Пчинский и Саввинский списки.

Дофеофиловская рукопись лежит в основе группы списков, начинающейся переписанной, скорее всего, при Стефане Драгутине (1276—1282). При изготовлении рукописи кормчей в 1295 г. в Милешевском монастыре имя Стефана (Драгутина?) было заменено на Стефана Уроша. Еще в XVI в. кормчая переписывалась в Сербии (Печский список 1552 г.) наряду с Синтагмой Матфея Властаря в ее полном и сокращенном (в составе сборника законодательства Стефана Душана) виде.

О распространении Сербской кормчей в Болгарии говорит послание болгарского деспота Святослава к митрополиту Киевскому Кирилу 1262 (?) г., вписанное в присланную им кормчую¹⁸, и состав этой кормчей. Она стала известна в Болгарии очень рано, еще до появления в старших сербских списках глосс и дополнительных статей. Однако славянская кормчая использовалась в Болгарии в XIII в. не широко, очевидно, лишь в Тырновской патриархии; по крайней мере у Святослава, правившего при царе Константине Асене, ее не было, и он должен был обратиться

¹⁶ С. Троицки. Црквено-политичка идеологија Светосавске крмчије и Властареве синтагме. Београд, 1953 (оттиск).

¹⁷ С. В. Троицки. Како треба издати. . . , стр. 69. См. также: I. Žužek. Kormčaja Kniga. . . , р. 36, где схема Троицкого пополнена русскими списками.

¹⁸ О послании см. М. Н. Тихомиров. Русская культура X—XVIII вв. М., 1968, стр. 177—178. В. С. Ангелов. Из старата българска, руска и сербска литература. София, 1958, стр. 191—194.

к патриарху за списком. В XIV в. Синтагма Матфея Властаря должна была значительно помешать распространению кормчей в Болгарии.

В Валахии и Молдавии первые румынско-молдавские переводы византийских компиляций относятся ко второй четверти XVII в. С этого времени начинаются непосредственное усвоение и переработка византийских юридических памятников на румынском языке. До XVI в. источником знакомства с юридическим наследием Византии, древнего христианского мира были славянские переводы с греческого и переработки, сопровождаемые нередко и славянскими сочинениями. А именно это время, XIV—XV вв., было эпохой укрепления и расцвета феодальных княжеств Валахии и Молдавии, когда сформировались основы их государственного, имущественного и церковного права. Таким образом, славянский перевод Сборника 14 титулов был важнейшим источником знакомства правящих классов этих стран с системами права древних классовых обществ.

Источником для изучения рецепции кормчей 14 титулов в Валахии и Молдавии являются ее славянские списки XV—XVI вв.¹⁹ О распространении в Валахии Сербской кормчей свидетельствует валашский Бухарестский ее список конца XV в. Через Милешевский протограф 1295 г. и сербский же список времени Стефана Драгутина он восходит к наиболее многочисленной группе сербских списков. Однако Бухарестский список — не сербский, а валашский. Для оценки его значения в истории рецепции византийского права в Румынии нужно бы исследовать его язык, что может дать материал для суждений о месте его переписки и характере его протографа.

В истории кормчей в Румынии оказываются важными два этапа: проникновение сербского списка в Валахию и появление валашской копии конца XV в. с этого списка. Возможно, что кормчая проникла за Дунай задолго до того, как возник Бухарестский список — он списан с дефектного, очевидно, ветхого протографа. Немаловажное значение имеет и активное распространение этой кормчей в Сербии во второй половине XIII—первой половине XIV в.: восемь списков этого времени сохранились или оставили свои следы в рукописях. При Уроше II (1282—1321) границы Сербии сомкнулись с границами Баната на Дунае. Однако особая нужда в кормчей книге — сборнике права для епископского суда и управления — появилась в Валахии, вероятно, во второй половине XIV—XV в., когда Валашское княжество получило митрополичьи кафедры и собственное церковное управление.

Очевидно, большая потребность в кодексах права классового общества вызвала проникновение в Молдавию и Валахию византийских сборников не только с юга, но и с севера, со стороны Руси. Об этом свидетельствуют списки кормчей книги молдавского и валашского происхождения, переписанные с украинских рукописей²⁰. Все они представляют собой особую Русскую редакцию кормчей, созданную в XIII в. в Киеве и затем в Северо-Восточной Руси в результате соединения Сербской кормчей с толкованиями с Древнеславянской кормчей и добавления дополнительных статей. Подчинение в церковном отношении молдавских земель в XIV в. галичскому епископу (временами носившему титул митрополита), до создания в 1380 г. молдавский митрополии, а частично и до начала XV в., открывало широкую возможность для проникновения древнерусских обработок славянских текстов византийских памятников. Арадский список включает, наряду с традиционным составом, древнерусский устав князя

¹⁹ P. Panaitescu. Manuscrisele slave din biblioteca Academiei RPR, vol. I. București, 1959, p. XV, 373—383; Y. N. Scharov. Le nomocanon grec dans les traductions slaves en Moldavie et Valachie. — «XIVe Congrès International des études Byzantines. Les communications». București (в печати).

²⁰ Библиотека Арадского монастыря в Румынии, № 21; Библиотека Академии СРР, слав. рук. 461 (Бистрицкий сп.); БАН в Ленинграде, № 13. 3.27 (собрание Яцимирского, 27).

Владимира о десятинах, церковных судах и церковных людях в галичской обработке начала XIV в.; валашский Бистрицкий список 1651 г. и молдавский Ленинградский начала XVI в. — восходят к западноукраинской обработке XIV—начала XV в., пополненной древнерусскими правилами и полемическими сочинениями в защиту земельной собственности церкви и переводными статьями против латинства²¹. Возможно, что эти дополнения были особенно актуальны для Молдавии и Валахии.

Подводя итоги сказанному, нужно отметить, что византийский сборник 14 титулов, наиболее богатый источниками церковного и светского права среди кодексов такого рода, имел в X—XVI вв. на Балканах, в пору существования там средневековых феодальных государств, большое распространение. Этим богатством источников права, так же как, очевидно, идейным его содержанием, объясняется то, что он не был вытеснен в XIV—XVI вв. другими, новыми компиляциями византийского права, хотя последние и заняли соответствующее им место.

Сборник был дважды переведен на славянский язык, в начале X в. и во второй половине XII—начале XIII. В обоих случаях переведены были последние, новейшие редакции сборника: с дополнением правилами соборов IX в., хронографическими сообщениями о деятелях церкви начала X в. — в первом случае; императорскими постановлениями и патриаршими решениями XI—XII вв. — во втором. Появление переводов и распространение многочисленных списков сборников права на Балканах совпадает с формированием и развитием феодальных государств и созданием государственных церковных организаций. Эти процессы были тесно связаны между собой.

В Молдавии и Валахии славянские переводы византийских сборников были первыми собраниями права классового общества, которые здесь известны. Эти сборники распространялись в этих государствах не только с юга, из-за Дуная, но и с севера, из-за Карпат, причем в последнем случае они несли с собой и памятники древнерусского права, отражавшие своеобразную рецепцию византийского права на Руси.

²¹ Я. Н. Шапов. Правило о церковных людях. — «Археографический ежегодник за 1965 г.». М., 1966, стр. 72—81; *его же*. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI—XIV вв. М., 1972, стр. 53—63.